

ЕФРЕМ СОКОЛОВ

*Сядем на землю и будем рассказывать
странные истории о королях...*

Вильям ШЕКСПИР

Ефрем Евсеевич Соколов. Написал эти три слова и споткнулся, задумался: что о нем отложилось из тех многих лет, близкого общения с его коллегами, когда судьба забросила его на верхнюю ступень иерархической властной лестницы в Компартии Белоруссии? Пожалуй, такой вопрос задают себе и сегодня многие белорусы.

Простачком, конечно, его не назовешь. И в то же время не поставишь в ряд неординарно мыслящих личностей. Пожалуй, он относился к категории незаметных середняков, не хватающих звезд из коммунистического небосклона, но крепко держащих в руках дело, повседневную практику. Не парил в небесах, не купался в словесных тонкостях, а ходил по грешной земле твердо и многое замечал. Был фантастично хитер, хотя вида не показывал, и сторонний наблюдатель ничего не замечал. Это засело в Соколове где-то далеко и глубоко.

Так о нем писали журналисты, говорили партийные и хозяйственные руководители.

Может быть, с тех самых пор, когда он крутил шоферскую баранку у ректора Белорусской сельскохозяйственной академии и одновременно потихоньку сдавал экзамены и зачеты, курс за курсом продираясь к диплому ученого агронома.

Каким был приход Ефрема Соколова на первую роль в ЦК КПБ после отъезда Николая Слюнькова в Москву? Этот приход никто в Минске не предвидел, так как Соколов как претендент всерьез не принимался. Однако произошло то, что произошло. И все занялись поисками места, откуда «росли уши».

Ближе всех к истине, пожалуй, оказались те, кто главную «подъемную силу» отводил брестскому «золотому кольцу». За годы работы первым секретарем Брестского обкома партии Ефрем Евсеевич во главу угла поставил внедрение в сельскохозяйственное производство промышленных технологий на основе концентрации и специализации. Он сам лично и через своих соратников неотступно добивался ускоренного возведения крупных комплексов по выращиванию бычков, свиней, строительства молочно-товарных ферм. И добился своего, резко изменив

ситуацию по наращиванию производства животноводческой продукции в Брестской области. Построенные комплексы оказались высокорентабельными — резко возросли производительность и культура труда, сократился расход кормов на единицу продукции, круто снизилась себестоимость мяса и молока. Все, кто знакомился с работой брестских комплексов и передовых хозяйств, говорили: да, это завтрашний день нашего села.

Надо признать, делегаций в то время в Брестскую область, больших и малых, высоких и рядовых, ехало много. И все их пропускали через «золотое кольцо». Заканчивались такие поездки-экскурсии восторженными «охами» и «ахами», оценками по преимуществу превосходными степенями...

Еще будучи заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК КПБ, Ефрем Евсеевич заинтересовался крупным животноводческим комплексом промышленного типа. Потому, как только оказался на посту первого секретаря Брестского обкома партии, развернул их быстрое строительство по всей области. При этом свою линию проводил последовательно и жестко, не терпя никаких возражений, в том числе и со стороны руководителей и специалистов сельского хозяйства. А ведь не ему, а им, казалось бы, сам Бог велел самостоятельно определять стратегию и тактику в развитии животноводства.

«Крут начальник — это у нас почти как похвала. Помню свою командировку в Кобринский район Брестской области, — вспоминал Геннадий Лыч, директор Института экономики, академик. — Там ударными темпами возводился комплекс по выращиванию и откорму молодняка крупного рогатого скота более чем на десять тысяч скотомест. Причем в хозяйстве с низкой продуктивностью сельскохозяйственных угодий, что изначально обещало серьезные трудности с обеспечением комплекса кормами. Не было никаких надежд и на соседние хозяйства, тоже не отличающиеся высокой продуктивностью угодий.

В общем, по всему было видно, что решение о строительстве столь крупного скотооткормочного комплекса принято без должного экономического обоснования и явно грозило хозяйству, да и всему району, неизбежными бедами. Я стал настойчиво убеждать в этом первого секретаря райкома партии, который не без гордости повез меня на «стройку века» (конечно, в масштабах района). Однако встретил с его стороны полное непонимание.

«Напрасно стараетесь, — сказал мне сопровождающий нас в поездках работник управления сельского хозяйства райиспол-

кома, когда мы остались с ним наедине. И пояснил: — Ефрем Евсеевич предупредил секретаря райкома партии, что если он сорвет сроки ввода, то не только не получит новую «Волгу», но и лишится старой. И придется ему топтать по району пешком. В худшем же случае — будет снят с должности. Ведь освободил же он от работы первого секретаря в другом районе, когда тот посмел высказать отрицательное отношение к крупным животноводческим комплексам...»

— Думается, решающую роль в дальнейшей судьбе Соколова сыграл приезд в область Егора Кузьмича Лигачева, — высказал однажды свое мнение собкор «Правды» Александр Симуров, с кем приходилось не раз общаться, работая в газете «Звезда», а затем в ЦК КПБ. — Уже тогда сложилось впечатление: Егор Кузьмич нашел то, что долго искал, — подтверждение своим убеждениям о жизнестойкости и радужной перспективе колхозно-совхозного строя, открыл дорогу, по которой следовало идти всей советской деревне в лучезарное будущее. Прочитал он и правофлангового в строю брестских аграриев, сделал зарубку в своем деятельном уме.

А вот далее произошло нечто труднообъяснимое. В область вдруг пожаловал Никитин Владимир Валентинович — первый заместитель председателя Госагропрома, министр РСФСР. Прибыл в качестве руководителя комиссии ЦК КПСС, чтобы изучить опыт брестской областной парторганизации по работе с кадрами села. В комиссию входило трое — В. В. Никитин, Л. Д. Брызга — кандидат в члены ЦК КПСС, доярка колхоза-комбината «Память Ильича» Брестского района и А. Т. Симуров — корреспондент «Правды» по БССР. У последнего в кармане лежала путевка в дом отдыха и через три дня начинался отпуск. Естественно, он об этом заявил Г. Г. Бартошевичу — второму секретарю ЦК КПБ, сообщившему о возложенном на его поручении.

— Ничего не знаю, — ответил он. — Комиссия утверждена секретарем ЦК КПСС товарищем Разумовским. Позвони в редакцию, они договаривались. Насчет путевки не волнуйся, срок ее перенесем.

В редакции ответили не менее категорично:

— Ничем помочь не можем. Решение подписано Разумовским. Отпуск отсрочим.

Пришлось корреспонденту ехать в Брестскую область на десять дней. Никитин уже был там, он прибыл напрямик из

Москвы. Брызгу, естественно, не отрывали от дел на ферме, решили всё делать вдвоем.

Когда Симуров зашел к Е. Соколову, тот спросил:

— Чем объяснить такое внимание к комиссии? Из Москвы звонили, предупреждали. Бартошевич трижды звонил, советовал поуважительнее отнестись к Никитину...

— Не знаю, Ефрем Евсеевич, — признался журналист. — Единственное могу сказать, что отпуск они мне испортили.

Никитин проинформировал секретарей обкома партии и руководство агропрома о целях комиссии. И все разъехались. Симурову достался Ивановский район, куда он отправился с заведующим орготделом обкома партии. Над Никитиным шефствовал сам Ефрем Евсеевич и секретарь обкома, ведающий аграрными вопросами. Как и следовало ожидать, на долю московского гостя выпало «золотое кольцо». Вечерами, когда члены комиссии сходились в обкомовской гостинице и перед сном за чашкой чая обсуждали увиденное днем, журналист понял: впечатления у Никитина сильные. Он признавался

— Здесь, в Брестской области, уровень ведения сельскохозяйственного производства на порядок выше, чем в Российской Федерации.

В Ивановском районе напряженно поработали три дня. В подробной справке проанализировали положение дел и высказали свои предложения. Справка Никитину понравилась. В довершение Симуров подарил ему только что вышедшую свою книгу «Сотворение нивы», в которой обобщался опыт всех сфер сельскохозяйственного производства Белоруссии. Никитин поблагодарил за полезную для него книгу, вручил свою визитную карточку с московскими координатами и отпустил в Минск.

Как он использовал собранные материалы, неизвестно до сих пор. То ли он приезжал, чтобы помочь утвердиться в мыслях Лигачеву, перепроверить их, что ли, поскольку они были хорошо знакомы еще по работе в Сибири. То ли еще раз глазом специалиста оценить фигуру Соколова перед предстоящим выдвижением. То ли самому Никитину захотелось поднабраться опыта, увиденного Лигачевым, по решению аграрных вопросов перед его собственным выдвижением в союзное правительство, где ему предстояло ведение аграрных дел. Как бы там ни было, но оба выдвижения вскоре состоялись. Другое дело, насколько они оказались взвешенными, перспективными и оправдали себя. Время рассудило всё и расставило всё и всех по своим местам...

Ефрем Соколов возглавил республиканскую партийную организацию после двухлетнего правления КПСС Михаилом Горбачевым. К 1987 году ветераны по Политбюро, партийных органов в республиках, краях и областях стали поперек импровизаций, на которые Горбачев был большой мастер.

Импровизируют, как правило, люди не глубокой мысли, не глубокого таланта. У них нет даже времени на свое неожиданное озарение, которое рождается от случайных импульсов, от подсознательности. И Горбачев, к сожалению, оказался импровизатором в худшем смысле этого слова.

И вот последовало «заявление ста», добровольно ушедших с партийной иерархии, в том числе и тех, кто его привел к власти. Горбачев за время своего руководства сменил три состава высшего партийного штаба!.. Таким образом, легенда о Горбачёве как организаторе большого поворота в жизни людей великой державы действительно не более чем легенда. Именно он, ренегат, через шесть лет запретила Коммунистическую партию, которая вывела его на олимп власти.

Пожалуй, наиболее «раскрылся» этот лидер в течение одиннадцати лет после гибели Машерова (1980). Политический портрет его одиозной фигуры еще долго будет уточняться историками, исследователями, корректироваться. Лучшую характеристику, пожалуй, дал он себе сам в книге о перестройке и новом мышлении: «К революции относятся законы политики как искусства возможного... За пределами возможного начинается авантюра». Канадский профессор Пол Саймон еще в расцвете перестройки предрек нам «три кризиса Михаила Горбачева»: внешнеполитический, экономико-политический, идеологический.

Вот в такой сумбурный период горбачевской деятельности Ефрем Евсеевич Соколов встал у руля КПБ...

Он родился в 1926 году в деревне Ревячино Могилевской области. В 1955 году вступил в члены КПСС. Окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Трудовую деятельность начал рабочим, затем служил в Советской Армии. Работал главным агрономом, директором МТС. С 1958 года — на партийной и профсоюзной работе в Казахстане и Белоруссии. Был вторым, первым секретарем Ивановского райкома партии, председателем Брестского обкома профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок.

Во время одной из поездок на Брестчину на него обратил внимание первый секретарь ЦК Петр Машеров. Так, в 1969 году Ефрем Соколов оказался в должности заместителя заведующего, а затем заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК Компартии Белоруссии. Через десять лет после карьерного взлета, в 1977 году его направят первым секретарем Брестского обкома партии вместо Владимира Андреевича Микулича, избранного первым секретарем Минского обкома партии. С 1987 года Ефрем Соколов — член ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. К тому же он — Герой Социалистического Труда.

Придя к власти в ЦК партии, Соколов вызвал к себе в кабинет помощников — Николая Керногу и Виктора Рудаковского.

— Вот что, ребята, направляю вас в Брестскую область. Побывайте на каждом крупном животноводческом комплексе и внимательно изучите передовой опыт. Вам пригодится это при написании справок, подготовке для меня докладов...

Став Первым секретарем, он быстро на Пленуме раскрутил свою программу индустриализации животноводства на всю республику. Причем опять-таки никаких возражений не принимал. Геннадий Лыч вступил в дискуссию с ним по данному вопросу во время подготовки материалов к брестскому республиканскому семинару по сельскому хозяйству. Соколов в штыки принял все его доводы, его не смутило, что реализация программы была экономически нецелесообразна. С позиции не только республики, но и всей страны.

И в самом деле, какой смысл республике наращивать производство, в частности, свинины за счет строительства свиноводческих комплексов, если ее и без того производилось более чем по 40 кг на человека, тогда как по медицинским нормам достаточно 30 кг. Заработать же на свинине белорусские колхозы и совхозы особенно не могли, поскольку зерно, составляющее преобладающую долю рациона свиней, приходилось завозить издалека, в том числе и из-за рубежа. К тому же за счет «ножниц цен» центр всегда мог «отсосать» из доходов колхозов и совхозов, специализирующихся на производстве свинины, ровно столько средств, сколько ему было нужно. Что оставалось в самих хозяйствах, так это жидкие стоки, которые в огромном количестве поступали со свиноводческих комплексов, загрязняя окружающую среду.

Страна также несла немалые потери от такого нерационального размещения производства свинины. Ведь надо было с востока на запад за тысячи километров везти фуражное зерно

для того, чтобы затем в обратном направлении везти свинину. Куда выгоднее было бы производить свинину в местах ее потребления или производства фуражного зерна.

* * *

Ефрем Соколов реально оценивал уровень своей подготовки, спокойно вел себя с помощниками, не «лез в бутылку». Единственное его пожелание, на котором настаивал, сводилось к четырем словам: давайте без острых углов. Обычно с вечера перед московскими пленумами ему всё же вручалось выступление «с перчиком». Он его аккуратненько клал в папку, а на Пленуме звучало нечто иное — обкатанное, вялое, невнятное, прочитанное будто с кашей во рту. Спрашивается, зачем в таком случае люди в отделах, в группе помощников переворачивали тонны словесной руды? Зачем муки творчества, наработка полутора десятков вариантов? Наконец, зачем тащили в комнату отдыха, что за кабинетом, трибуну для тренировок?

Помощники задыхались, штампуя речи, статьи, беседы. Сроки их выдачи расписывались впрок.

При Соколове группа помощников Первого секретаря увеличилась до четырех человек. К Геннадию Ершову, Виктору Рудаковскому, Николаю Керного, ранее работавшим со Слюньковым, «присоединился» Василий Новиков.

Соколов ввел должности двух инспекторов ЦК, одно из мест занял главный редактор «Знамени юности» Александр Саломеха, принявший решение не печатать сомнительную статью «сталинистки» Нины Андреевой, в то время как другие газеты поспешили порадовать читателей этим публицистическим шедевром.

В последнее время завершения своей руководящей карьеры Соколов решил поиграть в демократию, стать доступным народу через СМИ.

Он создал в ЦК пресс-службу, руководителем которой назначил «бесцветного» комсомольского функционера Василия Гурина, ушедшего с поста первого секретаря ЦК ЛКСМБ.

До августовского «переворота» 1991-го сведения о структуре аппарата ЦК КПБ не подлежали публикации. Такая возможность представилась позже. На протяжении десятилетий в открытой печати не появлялось и каких-либо исследований, посвященных аппарату центральных и республиканских органов Компартии Белоруссии.

Касаясь аппарата ЦК, хотелось бы отметить только следующее: отраслевой характер многих структурных подразделений почти совпадал со структурой Совмина БССР, что позволяло ЦК контролировать и направлять деятельность органов управления, не неся за последствия никакой ответственности.

Наряду с многими, еще один факт бросался в глаза: в бытность Соколова в аппарате ЦК не было создано ни отдела, ни сектора, которые занимались бы исключительно проблемами черныбыльской катастрофы.

* * *

Соколов был человеком упрямым. Нередко вопреки элементарному здравому смыслу. Мне рассказывали такой пример. В его бытность решался вопрос о создании садоводческого товарищества для работников аппарата ЦК. У Соколова сложилось мнение разрешить строить садовые домики только тем, кому исполнилось 59 лет. В записке по этому поводу, подписанной Управлением делами и общественными организациями аппарата, предлагалось возрастной ценз снизить хотя бы до 55 лет.

Сплошь и рядом в этом человеке уживались и хорошее, и плохое. Один день его обуревали положительные эмоции, он переполнен добродетелью. На другой день сплошные негативы, капризы. Согласитесь, нелегко работать рядом с таким человеком.

Ефрем Соколов мог на Бюро ЦК без причины учинить разнос главному редактору солидного издания, что тот, видите ли, опубликовал основанную на архивных документах статью о сталинских репрессиях в Белоруссии.

Незаслуженно он обидел своего помощника Григория Вечерко, который в свое время много хорошего сделал для Ефрема Евсеевича. Когда в обществе забурили демократические процессы и его сын создал при Дворце культуры профсоюзов кружок для молодежи по более углубленному изучению белорусского языка и литературы, над Григорием Николаевичем сгустились тучи. Работая заведующим экономическим отделом ЦК, он пытался переговорить по этому вопросу с Соколовым, учесть его советы, рекомендации. Однако тот не только не принял его, а вскоре подписал постановление об освобождении от занимаемой должности... В правительстве же доверили эрудированному Вечерко пост первого заместителя председателя Госплана БССР, где он плодотворно трудился вместе с Сергеем Лингом по переводу экономики на рыночные рельсы...